

Б. Маруся

Б. Ксюша

Д. Вася

Мария

Немец 1

Немец 2

Ксения Андреевна

Костя Рожков

Шура Капустина

Дети

Тёркин

Смерть

Девушки – медсестры

Действие 1

Явление 1

Вечер. 2 стареньких бабушки и дедушка сидят за столом, пьют чай из самовара. Вспоминают годы войны.

Б. Маруся – Ох, голубчики, хорошее время наступило. Мирное.

Б. Ксюша – Да, Марусь. Живем в достатке, всё имеется.

Д. Вася – А чай-то какой вкусный, ватрушки. Ты, Марусь, чудесница.

Б. Маруся – Какой уж там, скажешь тоже. Ну, вы кушайте, милые, кушайте.

Мария по старой привычке собирает крошки со стола и засыпает их себе в рот.

Б. Маруся – Ой, это я по привычке. Никак от нее не могу отделаться. И уж сама знаю, что всего у нас хватает, нужды не испытываем, а как увижу крошки хлебные на столе. Ээх. *(вытирает слезы с глаз рукавом).*

Б. Ксюша – Это ничего, голубушка. Поплачь, заплачь. Оно ить легче становится, когда всплакнешь-то. Все мы через это прошли...

Д. Вася – Эх... Тяжелое было время...

Все устремили взгляд в пустоту, задумались, погрузились в воспоминания.

Б. Маруся – Как сейчас перед глазами. Осень 43-го года. Пришли в наш хутор немцы. Всех погнали, всех... И женщин, и детей... Одна я осталась. Совсем одна... И зачем меня Бог сберег? Мужа моего, родненького, на моих же глазах загубили, фашисты проклятые. Варвары. Васятка-то мой, сыночек, соколик ненаглядный. К отцу-то преник. И так плачет, плачет. А они... Сволочи... Они и Васятку моего... Там же...

Речь ее заглушают рыдания...

Б. Ксюша - Ну-ну, милая, выстрадай горе свое... Всем тяжело пришлось...

Б. Мария – Ох, родненькие, не знаю, какими силами, но смогли меня удержать-то бабы наши. Уж я рвалась к ним, кричала. А они рот мой руками закрыли. Молчи, говорят, дура, и тебя там же вздернут. Я и чувств лишилась. Очнулась в хате у тетки Марфы, бабы говорят, иди, мол, в поле кукурузное, схоронись там, да смотри, чтоб тихо сидела. Фашисты проклятые уже про тебя прознавали. Вот я и убежала. Ох, и тяжело мне пришлось... Одна в поле... Вокруг ни души... А что делать? Вернулась на хутор. Хаты-то все пожгли, ироды! Отыскала я кой-как на месте пожарищ остатки от своей хатки. Села

на землю да заплакала. В сторонку глянула, а там какой-то бугорок на земле. Вспомнила я тут, что мы когда-то с мужем погреб соорудили. Крышку-то я откинула, а там...

На заднем плане оживают воспоминания б.Марии.

Явление 2

Мария открывает дверцу, а там молодой раненый немец, бледный, серый его китель был растянут, а на застиранной ночной сорочке багровело пятно крови.. На глазах изображен испуг и страх, губы дрожат, но молчит. Мария берет рядом стоящие вилы, с яростным взглядом и ненавистью смотрит на немца, прижимает вилы к себе.

Мария - Чего будем делать? Скажи мне одно: где мой муж Ваня и сыночек Васенька? И еще скажи мне: за что удавили Феню и девочку Саню за что убили? Молчишь? Молчи, молчи...

Мария спускается к нему, прижимая еще большие вилы.

Мария - Молчишь? Ничего не знаешь и сказать ничего не можешь? И кто людей в неволю погнал — не знаешь... И кто хутор спалил, а скотину перестрелял — не знаешь... Брепeshь, подлюка... Ты все знаешь и за все сейчас ответишь...

Мария приближается к нему, замахивается вилами, собираясь нанести удар.

Немец (тихий, сдавленный крик,)- Мама! Ма-а-ма!..

Мария роняет вилы, садится на пол и, закрывая лицо руками, молча рыдает.

Немец спустя минуту подползает к Марии, слегка касается ее руки и пытается жестами и фразами на немецком объяснить ей, что еще совсем молодой, никого не убивал, что сама война ему страшна.

Мария, успокоившись, разрывает рубашку вместе кровавого пятна, осматривает рану.

Немец (сложив крестом руки на груди, со страхом) – Капут?

Мария - Зачем капут? — отводя глаза,— Будешь жить...

Сложив руку так, словно держала в ней стакан, и поднеся ее ко рту, спросила:

Мария - Ты, небось, пить хочешь?

Немец кивает головой

Мария - Подожди, сейчас из колодца, был здесь недалеко, наберу водицы.

Немец остается лежать с закрытыми глазами. Мария уходит от него со словами:

Мария - Не жалец ты на белом свете. Нет... Разве тебе нужна была война и ты хотел воевать? Должно быть, нет. Должно быть, ты сказал правду, и я тебе верю... И помрешь ты, бедняга, в нашем хуторе, и мне доведется тебя схоронить... А там, в Германии, годами будет слезы лить, выплакивать свое горе твоя осиротевшая, потерявшая сына мать.

Возвращаемся к бабушкам и дедушке.

Явление 3

Б.Мария – Эх, голубчики. Ведь и правда помер немец-то. А ить хоть он и враг нам, а такая жалость меня взяла. Видать по всему, был он еще честным, чистым парнем, не замаранным убийствами и кровью. Скучал, как все дети, по отцу, по матери... Потому и ко мне тянулся, мамой называл. Когда детям плохо да больно становится, они все матерей вспоминают... А что из него получилось бы, если б не был убит, если б не умер? Бог знает! Друзья да наставники быстро приучили б его к тому, что делают сами... И людей бы ты убивал и расстреливал, и хаты поджигал бы на чужой земле... Может, и лучше, что помер-то он, хоть чистым остался...

Действие 2.

Явление 1

Б. Ксюша – Да, голубушка. Война – она такая. Никого не щадит, никого не спрашивает. Помню я в 42 году фронт проходил совсем недалеко от нашего села. Где-то рядом громыхали бои. Части Красной

Армии отошли за реку и укрепились там. А наши местные колхозники собрали партизанский отряд и ушли в ближний лес за селом. Мои ребята, четвероклашки, носили им туда еду, рассказывали, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков –лучший пловец школы –не раз доставлял на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан. Под вечер мы встречались с ребятами у школы, и они мне обо всем рассказывали. Однажды вечером обнаружили нас немцы да загнали в школьный класс.

Явление 2

Немец вталкивает учительницу и ребят в класс. Учительница стоит в углу, ребята прижимаются к ней.

Немец - Сейчас я вам буду давать небольшой экзамен. Сидеть на место!

Ребята испуганные смотрят на учительницу.

Ксения Андреевна (спокойным голосом, будто начинает урок) - Садитесь, ребята.

Дети садятся за парты.

Немец подошел к учительскому столу, пнул его ногой. Дети вздрогнули.

Немец – Дать мне стул! (через 10 секунд) Нууу?

Ксения Андреевна - Здесь слушаются только меня. Пичугин, принеси, пожалуйста, стул из коридора.

Пичугин идет за стулом. Немец смотрит на часы.

Ксения Андреевна – Пичугин, поскорее.

Пичугин приносит стул, немец его вырывает, ставит перед столом и садится.

Шура Капустина (поднимая руку) – Ксения Андреевна... можно выйти из класса?

Ксения Андреевна - Сиди, Капустина, сиди (понимающе взглянув на девочку)

Немец–Теперь каждый меня будет слушать! Я знаю, что здесь партизан! Вы сказать мне все, где партизан! Быстро! Теперь я буду слушать каждый!

Ребята молча смотрят друг на друга и на учительницу.

Немец (учительнице) – Прикажете им! Я вам предупреждаю, что я понятен русскому языку и что вы будете сказать детей...

Он подошел к доске, взял мелок и быстро набросал план местности –реку, село, школу, лес... Чтобы было понятней, он даже трубу нарисовал на школьной крыше и нацарапал завитушки дыма.

Немец - (схватив своими длинными руками Ксению Андреевну за плечи, грубо потряс её, показывая на доску) - Вы, говорить, где партизан!

Ксения Андреевна (высвободилась, сделала шаг вперед, подошла к партам, оперлась обеими руками на переднюю) — Ребята! Этот человек хочет, чтобы мы сказали ему, где находятся наши партизаны. Я не знаю, где они находятся. Я там никогда не была. И вы тоже не знаете. Правда?

Дети хором – Не знаем! Не знаем!

Костя Рожков - Кто их знает, где они!

Ученик - Ушли в лес — и всё.

Немец - Вы совсем скверные учащиеся, не может отвечать на такой простой вопрос. Ай, ай...

Немец оглядел класс, но не встретил ни одной улыбки. Ребята сидели строгие и настороженные.

Немец подошёл к Рожкову.

Немец — Ну, ты, как звать?.. Ты тоже не знаешь?

Костя Рожков (тихо) — Не знаю.

Немец - А это что такое, знаешь? — И немец ткнул дулом пистолета в опущенный подбородок Сени.

Костя Рожков — Это знаю. Пистолет- автомат системы «вальтер» ...

Немец— А ты знаешь, сколько он может убивать таких скверных учащихся?

Костя Рожков (ворча) — Не знаю. Сами считайте...

Немец (кричит) — Кто такое! Ты сказал: сами считать! Очень прекрасно! Я буду сам считать до трёх. И если никто мне не сказать, что я просил, я буду стрелять сперва вашу упрямую учительницу. А потом — всякий, кто не скажет. Я начинал считать! Раз!..

Немец хватает Ксению Андреевну за руку и толкает её к стене класса. Класс загудел.

Ксения Андреевна — Дети, не надо.

Немец — Итак, никто не знай из вас, где партизаны. Прекрасно, будем считать. «Раз» я уже говорил, теперь будет «два».

Фашист стал поднимать пистолет, целя в голову учительницы. На передней парте забились в рыданиях Шура Капустина.

Ксения Андреевна — Молчи, Шура, молчи. Пусть все молчат (медленно проговаривая, оглядывая класс), кому страшно, пусть отвернётся. Не надо смотреть, ребята. Прощайте! Учитесь хорошенько. И этот наш урок запомните...

Немец — Я сейчас буду говорить «три»!

Костя Рожков (поднимая руку) — Она правда не знает!

Немец — А кто знай?

Костя Рожков (громко и отчётливо) — Я знаю... Я сам туда ходил и знаю. А она не была и не знает.

Немец — Ну, показывай.

Ксения Андреевна — Рожков, зачем ты говоришь неправду?

Костя Рожков — Я правду говорю.

Ксения Андреевна — Костя...

Костя Рожков — Ксения Андреевна, я сам знаю...

Учительница стояла, отвернувшись от него, уронив свою белую голову на грудь. Костя вышел к доске, у которой он столько раз отвечал урок. Он взял мел. В нерешительности стоял он, перебирая пальцами белые крошащиеся кусочки. Фашист приблизился к доске и ждал. Костя поднял руку с мелком.

Костя Рожков — Вот, смотрите сюда, я покажу.

Немец подошёл к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками изо всех сил ударил чёрную гладь доски. Так делают, когда, исписав одну сторону, доску собираются перевернуть на другую. Доска резко повернулась в своей раме, взвизгнула и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя, прыгнув через раму, мигом скрылся за доской.

Немец — Куда?? Русский швайне!

Действие 3

Явление 1

Б. Ксюша — Костик, Костик... Да, нет же. Не какой он теперь Костик — Константин. Настоящий герой! Ведь не испугался фашиста. Прыгнул в окно, да и поплыл к нашим солдатам. Помню тогда через минут в класс ворвались наши партизаны. Фашистов мигом схватили. А я сразу к реке побежала, прознать про Костика нашего, жив ли, родненький. И ведь судьба его миловала. Невредимым добрался до наших. Не взяли его пули фашистские. Эх... Как вспомню тот день, так гордость берет. Всем было страшно, а ведь никто из ребят не сдался фашистам. Видать, правильно их воспитали, ребяток-то.

Д. Вася — Да, Ксения, ребята твои — герои. Да, что там, ребята, и вы, мои голубушки, настоящие герои. Столько выстрадали, столько вынесли. Про себя уж молчу. Тоже пришлось через многое пройти в годы войны. Нет, ребята, я не гордый. Не загадывая вдаль, Так скажу: зачем мне орден? Я согласен

на медаль. (улыбнувшись и немного помолчав) Даа, дни были тяжелые... Приходилось и со смертью не раз бороться.

Явление 2

Василий Тёркин лежит на земле, над ним склоняется смерть.

Смерть - Ну, солдат, пойдём со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалёко провожу,
Белой выюгой, белой выюгой,
Выюгой след запорошу.

Тёркин - Я не звал тебя, Косая,

Я солдат ещё живой.

Смерть (смеясь, нагнулась ниже) - Полно, полно, молодец,

Я-то знаю, я-то вижу:

Ты живой, да не – жилец.

Мимоходом тенью смертной

Я твоих коснулась щёк,

А тебе и незаметно,

Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,

Ночь, поверь, не хуже дня...

Тёркин - А чего тебе, однако,

Нужно лично от меня?

Смерть (отклоняясь) - Нужно мне... такую малость,

Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласия,

Что устал беречь ты жизнь,

Что о смертном молишь часе...

Тёркин - Сам, выходит, подпишись?

Смерть - Ну что же,

Подпишись, и на покой.

Тёркин – Нет, уволь. Себе дороже.

Смерть – Не торгуйся, дорогой.

Тёркин – Вот уж выполню задачу —

Кончу немца – и домой.

Смерть – Так. Допустим. Но тебе-то

И домой к чему прийти?

Догола земля раздета

И разграблена, учти.

Тёркин – Я работник,

Я бы дома в дело вник,

Смерть – Дом разрушен.

Тёркин – Я и плотник...

Смерть – Печки нету.

Тёркин – И печник...

Я от скуки – на все руки,

Буду жив – моё со мной.

Смерть – Дай ещё сказать старухе:

Вдруг придёшь с одной рукой?

Иль ещё каким калекой, —

Сам себе и то постыл...

Тёркин - – При одном моём условии,

Смерть, послушай... я не прочь...

Я не худший и не лучший,

Что погибну на войне.

Но в конце её, послушай,

Дашь ты на день отпуск мне?

Дашь ты мне в тот день последний,

В праздник славы мировой,

Услыхать салют победный,

Что раздастся над Москвой?

Дашь ты мне в тот день немножко

Погулять среди живых?

Дашь ты мне в одно окошко

Постучать в краях родных?

И как выйдут на крылечко, —

Смерть, а Смерть, ещё мне там

Дашь сказать одно словечко?

Полсловечка?

Смерть – Нет. Не дам...

Тёркин – Так пошла ты прочь, Косая,

Я солдат ещё живой.

Буду плакать, выть от боли,

Гибнуть в поле без следа,

Но тебе по доброй воле

Я не сдамся никогда.

Действие 4

Явление 1

Д. Вася - А ить прогнал я ее, смерть-то. Видать, не время помирать было.

Б. Ксюша - И то не время, вишь, до какой старости дожил, до каких седин. Даа... А ведь, голубчики, и на войне иногда бывали веселые моменты.

Б. Маруся - Василий, ить ты раньше на гармони играл.

Д. Вася – Да... было дело. Помню, как-то на привале гармонь попала ко мне в руки...

Явление 2

Две девушки и сан. части и два солдата сидят на земле, на привале. Тёркин сидит с гармонью в руке.

Тёркин – Ну, что, ребята, не затянуть ли нам нашу?

Девушки – А давай «Катюшу», родненький. А мы подпоем.

Тёркин играет «Катюшу», девушки и солдаты поют, пританцовывая.

Действие 5

Б. Маруся – Эх, сердечные. Растревожили мы наши седины. Сердечко-то уже беспокойное в старости.

Б. Ксюша – Это ничего, ничего, Марусь. Мы через столько прошли...

Д. Вася – Даа. Никто не забыт... Ничто не забыто...